

СОВРЕМЕННОСТИ И КЛАССИКИ

СОВРЕМЕННОСТИ И КЛАССИКИ

Григорий Быстрицкий

Китайский аванпост

Сборник прозы

Москва
Интернациональный Союз писателей
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б95

Составитель серии Елена Наливина

Быстрицкий, Григорий

Б95 Китайский аванпост : сборник прозы / Г. Быстрицкий. – Москва: Интернациональный Союз писателей, 2023. – 148 с. (Современники и классики).

ISBN 978-5-6049941-5-3

Китайский специалист в сфере высоких технологий едет стажироваться на российское нефтегазовое месторождение в Заполярье. Неведомая страна, о которой он только и знает, что А. С. Пушкин и лучшее в мире метро соседствуют с историей бандитского накопления капитала в 90-х, рейдерство – с госпрограммами по развитию стартапов, цензура – со вседозволенностью сетевых постов. Как встретят его русские коллеги? Какие приключения ждут на бескрайних просторах Севера?

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-6049941-5-3 © Григорий Быстрицкий, 2023
© Интернациональный Союз писателей, 2023

Обе стороны эскалатора

– «Уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора!» – такое вот объявление мы будем доносить до пассажиров. Вы правы, Лазарь Моисеевич, нужно предупреждать перегруз одной стороны. А то в феврале две тысячи делегатов как насели на правую сторону, чуть нам весь двадцатисуточный штурм на нет не свели. Установили мы тогда всё-таки наши новенькие советские эскалаторы.

Первый секретарь Московского горкома партии, плотный сорокадвухлетний Лазарь Каганович, во френче, глухо запечатанном на все пуговицы, в неизменной военной фуражке и светлых туфлях, последний раз перед торжественным митингом решил лично проверить работу своего детища. На входе станции «Дзержинская» он полюбовался простым, но очень выразительным символом метро – большой красной буквой «М», изготовленной для всех тринадцати станций по рисунку архитектора Таранова.

С небольшой свитой он спускался к поезду, на ходу выслушивая отчёты инженера. Тот стоял сзади, на ступеньку выше, и всё время норовил нагнуться к начальственному уху, чем вызывал у самого Первого прораба и сопровождавших его лиц смутное недовольство.

Прозвище ПП у простого подземного народа Каганович заслужил своим постоянным, буквально днями и ночами, присутствием на стройке. Людям это нравилось, кроме того, его присутствие сильно ускоряло решение постоянно возникавших на разных участках вопросов. К дате торжественного открытия метро, совсем недавно намеченного на 14 мая, казалось, всё в основном было готово, но Первый прораб ещё и ещё неустанно выискивал недоделки.

Накануне, вечером 12 мая, он всё же решил пригласить на экскурсию Сталина, но тот отказался:

– Знаешь, Лазарь, понедельник – день тяжёлый. В цифру 13 мы, коммунисты, конечно, не верим... – Сталин усмехнулся, – но ты давай сам со своим хозяйством разбирайся. А мы послезавтра проверим.

На 15 мая 1935 года, 7 часов утра, в поезда намечено было запустить первых пассажиров, и даже определили, кто купит билет № 1 на станции «Сокольники». Счастливым оказался передовой забойщик 8-го отряда Латышев.

Сейчас Каганович медленно спускался к основанию эскалатора, придиричиво осматривая все детали потолка, межлестничного проёма со специально изготовленными фонарями и скользящими резиновыми поручнями. Внизу он приготовился плавно и грациозно переступить с движущейся ступени на неподвижный пол, но в который уже раз это ему удалось не вполне. На перроне его ожидал тестовый поезд из двух вагонов. За короткое время перехода к поезду промелькнула, казалось, вся его метростроевская жизнь.

Постановление Совнаркома № 806 от 25 мая 1932 года «О строительстве метрополитена в городе Москве». Этот скромный лист, подписанный Молотовым, в скобках уточнённым как Скрябин, запомнился прежде всего словом «безотлагательно», строго предписывавшим, когда именно надо начать строительство. Особо Кагановичу понравился третий пункт, заставлявший всех считать Метрострой важнейшей государственной стройкой.

Но прежде чем Молотов, в скобках Скрябин, подписал этот лист, непрерывным потоком пронесли даты и события. 6 января 1931-го катастрофическая дорожная пробка в Москве окончательно обозначила транспортный коллапс, через двенадцать месяцев во дворе дома № 13а по улице Русаковской семь лопат начали скрести и долбить мёрзлую землю. Так рабочие Метростроя положили начало строительству первого, пока что опытного, участка.

Были страшные споры между сторонниками глубокого туннельного метро и их противниками, защищавшими открытый, «парижский», способ строительства, споры с использованием тяжёлых, но красочных обвинений типа «могильщики». Лазарь Моисеевич вместе с Хрущёвым, как первые среди «могильщиков», рукоплескали Сталину, ставшему тогда на сторону проекта глубокого заложения.

Много чего произошло под землёй и на земле за эти четыре года. Уже войдя в пустой вагон, Каганович вспомнил вдруг архитектора Душкина, который предлагал для отделки станций использовать

сталь для дирижаблей. Створки двери за ним в это время сомкнулись. Сопровождавшие лица остались во втором вагоне.

* * *

Он не стал сразу проходить в кабину машиниста, присел на сиденье около двери и привалился к боковому ограждению. Его моментально сморило, поезд даже не успел тронуться. Сказалась усталость.

Сквозь сон он чувствовал лёгкое, осторожное покачивание и неспешный стук колёс на рельсовых стыках. Потом стук исчез, но зато появился какой-то странный, высокий и надсадный, звук. Первый прораб открыл глаза и не поверил им. Перед ним стояли две девицы с разноцветными волосами: одна – с колечком в носу, другая – с заклёпками в ушах. Та, что с синими волосами, держалась за поручни ограждения, на которое он слегка навалился, её лицо с дико раскрашенными глазами было совсем близко. Вторая, с ярко-красной копной на голове и огромными, уродливо-толстыми, красными же губами, не держалась, а сохраняла равновесие, широко расставив тонкие ноги в огромных солдатских ботинках. Не обращая внимания на то, что он открыл глаза, они громко обсуждали его внешность.

– Зачётный дед, зацени! Френчик такой клёвый, а лабутены – ваще ауфф.

Ни слова не поняв, Каганович возмутился:

– Вы кто такие?! Как вы попали сюда? Молчать!

Он оглянулся в поисках своего сопровождения и только сейчас заметил, что вагон полон каких-то очень странных людей. Но ещё больше его поразило, что эти две соплячки ничуть не испугались, продолжая нагло на него глазеть, а остальная публика и внимания на них как бы не обращала.

– Ты чё кипишуешь, чувак? – Одна повернулась к подруге: – Глянь, из образа не вылезет. Они наверху на площади за бабки косят: кто под Ленина, кто под отбитого урода Сталина, этот вон тоже для себя какой-то нафталин придумал...

Первый секретарь Московского горкома партии зашёлся от гнева. До него только начали доходить кощунственные, наглые,

оскорбительные, невозможные слова про вождя, как вдруг он вспомнил цитату из письма столичного архиерея к митрополиту Московскому Иннокентию. Эта цитата вспыхнула красным цветом, ещё более ярким, чем причёска наглой девицы:

«Возможно ли допустить сию греховную мечту? Не унизит ли себя человек, созданный по образу и подобию Божию, спустившись в преисподнюю?»

И тут же перед глазами убеждённого атеиста поплыло огромное чёрное и как бы торжествующее слово «ВОТ!».

Неожиданно сидящий рядом с Кагановичем парень поднёс к его глазам размером с ладонь светящуюся плитку с фотографией. На ней Лазарь был снят вполоборота, в этом же френче с белым подворотничком и пышными чёрными усами. Потом парень повернул плитку к девицам:

– Вы на кого батон крошите, губные гармошки? – шутливо бросил парень. – Да это же сам Лазарь Каганович...

Девки всмотрелись в фото:

– Точняк! Ну, чувачелло, колись, откуда такой лойсовый прикид? – сказали синие волосы.

– Каганович, Шмаганович – нам по барабану, не знаем такого, – вторили надутые губы, – но на этого кента точно похож. Как вылитый...

– Это вы, мокрощёлки, в наше время не жили, – протиснулась ближе бабка в розовых штанах с пузырями на коленях, стоптанных, огромных грязно-белых тапочках, но тоже с плиткой в руке, – вас тут вмиг скрутили бы да на Лубянку. Распустились совсем, Сталина на вас нет...

– В «наше вре-е-мя»... – заступился за несмышлёную молодёжь парень. – Какое такое ваше время? Родилась-то, поди, при Брежневке, а туда же, в сталинистки... – Подмигнул губам: – Старая, упоротая, а хайпануть охота, типа по ГУЛАГу тоскует.

Опять Лазарь Моисеевич ничего не понял... Какой-то Брежнев, по ГУЛАГу кто-то соскучился... Но зато заметил у всех в этой толпе, буквально у каждого... то ли пассажира, то ли жителя той самой проклятой преисподней – здесь он совсем запутался... – у каждого

была такая светящаяся плитка в руках, и некоторые не только светились, но и звуки издавали.

Большинство в качающемся вагоне просто молча смотрели на эти плитки, но всё больше любопытных собиралось вокруг. Лазарь глянул в окно и обомлел: в тёмном туннеле мимо неслись, сливаясь в светлую линию, отдельные лампочки, было видно, что поезд летит с огромной скоростью, и он понял, откуда этот высокий противный звук. Таким темпом все девять километров от «Сокольников» до «Крымской площади» давно бы закончились, а они всё неслись по преисподней, и большой вопрос: куда?!

Приблизилась женщина культурного вида, в очках и почти прилично одетая:

– Лазарь Моисеевич Каганович! – торжественно объявила она, всматриваясь в свою плитку. – А я ведь по вам диссертацию писала...

– Кому писала? – вскинулся бедный член Политбюро ЦК ВКП (б).

– Как кому? – удивилась дама. – В ВАК, конечно... – И обратилась к публике весьма надменно. – Если кто не в курсе, это ему мы в Москве обязаны нашим прекрасным метро. Его так и звали – Первый прораб.

Она стала водить пальцем по плитке, похоже, читать:

– Знаете, во что превратились ваши первые 13 станций и 11,6 километра трасс? – победно посмотрела на прораба. – В 241 станцию и линии общей длиной 415 километров! Сегодня метро перевозит 2,5 миллиарда пассажиров в год, вот во что превратились ваши 13 станций! И не зря в вашу честь с 1935-го целых двадцать лет Метрополитен нёс ваше имя...

– А потом? – осторожно спросил Лазарь, забыв про нелепость вопроса.

– А потом твой друг Коба ласты склеил, – встрял кудрявый пожилой человек с футляром для скрипки, – и стало метро просто Московским метрополитеном.

– Ты на Сталина, отца нашего, не тяни, – воинственно выступила вперёд бабка в розовых панталонах. – Мало он вас, кудрявых да носатых, видать, учил. Всё вам неймётся...

– Вам, нам, – завывал скрипач, – все одинаковы... Этот вот, – кивнул на вконец затравленного чиновника 30-х, – этот и в Шахтинском деле отличился, и на Кубани при изъятии хлеба позверствовал... Все хороши были...

Разум активного большевика Юзовки отказался понимать, откуда эти люди всё знают, кто они и как ко всей этой истории отнесётся Сталин, которого тут при нём ни во что не ставят. Учёная дама словно прочитала его мысли:

– Вы не переживайте, вы всех их переживёте: и Сталина, и друзей своих по Политбюро. Умрёте достойно в возрасте девяноста семи лет, и похоронят вас торжественно на Новодевичьем.

Солидный мужчина, стоявший чуть поодаль, показал часы, на циферблате которых красовался памятник из розового гранита среди больших деревьев. В это время из толпы вылезла голова чучела петуха с бордовым хохолком, за ней показалось всё длинное вертящее тело в изорванных штанах. Размером побольше других плитку чучело развернуло перед Кагановичем:

– Бумер наш звездой Интернета стал, двести тысяч уже набрал...

На плитке Первый прораб страшно и убедительно прокричал «Молчать!» в сторону девиц и с этого момента стал уменьшаться в размерах. Вокруг стояли очень странные люди, и вагон был ими полон. Определив, что «прораб» ничего не понял, чучело пояснило:

– Вот сейчас, чел, в данный момент, любой куколд или там зумер сопливый в любой точке земного шара может вас увидеть. За несколько минут вас посмотрело уже более 200 тысяч человек, а через час будет миллион!

«Всё, – подумал Лазарь Моисеевич, – Иосиф мне этого не простит...»

Спас его родной голос машиниста Долгопятова.

– Следующая станция, – машинист деликатно тронул Кагановича за плечо, – «Дворец Советов».

Он проснулся, машинально глянул на часы и с ужасом увидел на них цветные светящиеся фигурки. Постепенно внутреннее мерцание поблекло, выступил знакомый циферблат часов швейцарско-советского мастера Габю, которые ему недавно подарил товарищ Сталин.